

ЧУЛКОВ
Chulkow

РУСКІЯ СКАЗКИ

СОДЕРЖАЩІЯ:

Древнійшія Повѣстованія о слав-
ныхъ Богатыряхъ, Сказки народ-
ные, и прочія оставшіяся чрезъ
пересказываніе въ памяти
Приключенія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи.
у Н. Новикова, 1780 года.

PRINTED IN RUSSIA.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

764436 A

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION

R 1985

СОБРЕНИЕ.

По приказанию Императорского
Московского Университета Господь
Кураторомъ, я читалъ книгу подъ
заглавиемъ Рускія Сказки Часть III, и
не нашелъ въ нихъ ничего противнаго
настапленію, данному мнѣ о раз-
сматриваніи печатаемыхъ въ Уни-
верситетской Типографіи книгъ, по-
чему оная напечатана быть мо-
жетъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Красно-
рѣчія Профессоръ и Цензоръ печата-
емыхъ въ Университетской Типогра-
фіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУССКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Продолженіе Гассановыхъ приключеній.

Лодка, въ которой Гассанъ продолжалъ путь свой, съ равною быстротою разсекала воды Окіяновы, какъ пущенная изъ лука спрѣла. Свистъ вѣтровъ, и шумъ волнъ, ударяющихся о утесы каменныхъ горъ, вознесенныхъ на поверхность моря, по пути, гдѣ онъ вхалъ, составляли звукъ ужасный для ушей его. Но онъ, наполненный желанія достигнуть острова, въ комѣ хранился мечъ Вирстоновъ, презиралъ всѣ опасности и ободрялъ надеждею получения во власть свою

толикаго сокровища, пропешишее свое сердце. Желаніе имѣть у себѣ чѣмъ нибудь описанное предъ другими, еспѣ спрасти сродная человѣкамъ. Мы нерѣдко для насыщенія необузданыхъ желаній, даемся въ неменьшія опасности, каковъ былъ путь Гассановъ. Хорошо бы было, еспѣли бы человѣкъ почаше призываѣ на помощь таکъ свой разсудекъ, какъ онъ свою книгу. Оный можетъ хотя не въ спихахъ, а въ прозѣ, вливалъ въ наши мысли предразсужденіе о вредности гоняться за вещами непозволенными, и тѣмъ полагалъ бы предѣлы нашимъ спремленіямъ. Но обыкновенно, когда овладѣшъ спрасти, тогда разсудокъ не помогаетъ.

Чѣмъ далѣе проплывалъ Гассанъ пупемъ: тѣмъ меньше ужасны становились окружающія его мѣста. Вѣпры замолкли, и сдавали на успокоившемся морѣ поверхность подобную зеркалу. Солнце,

ще, имѣющее въ тѣхъ странахъ
шеченіе свое къ землѣ ближе, уда-
ряло полнымъ блескомъ лучей въ
море, и составляло въ ономъ изо-
браженіе тьмочисленныхъ радугъ.
Обитали дна неизмѣримыхъ водъ,
Сирены, появились въ множествѣ
округъ его лодки, покрытые вѣн-
ками изъ морскихъ произрастѣній.
Въ рукахъ держали они коральковыя
шѣпти. Красота ихъ и пріятность
пѣнія вводили Гассана въ слад-
кое чувствованіе. Глаза его и уши,
заняты были вниманіемъ тако-
выхъ рѣдкостей. Делфины и про-
чія мѣлкіе водные звѣри играли
по разнымъ мѣстамъ. Плавающія
и лепающія птицы соединяли
нѣжныя голоса свои съ пѣніемъ Си-
ренъ. Таковое прелестное послѣ-
дованіе спутешествовало Гассану,
который забывалъ самъ себя,upo-
енный радоспію. Но скорость пла-
ванія его скрыла наконецъ все
сіе удовольствіе изъ вида, и пред-
ставила въ дали таковую мрачную

шѣнь, какъ бы ночь, уступающая
свѣту, оставляла земный кругъ,
и поконилась въ томъ мѣстѣ во
время дня. Не успѣлъ онъ вперить
взоры на разсмотреніе причины
ониаго шмыгъ: лодка его, обернувшись
при разѣ въ кругъ, остановилась;
лебеди, завернувъ головы подъ
крылья, предались сну. Неизвѣстно,
робость ли или удивленіе больше
имъ тогда овладѣло. Но нельзя не
смущиться въ таковыхъ перемѣнахъ.
Онъ прибѣгъ къ своей книгѣ. Но
вынимая онуу увидѣлъ издали
нѣчто къ себѣ приближающееся
съ великою скоростію. Сіе были
двенадцать Трипоновъ или мор-
скихъ мушинъ, несущихъ на себѣ
носильную колесницу, сдѣланную
изъ жемчужныхъ раковинъ. Оные
остановились близъ самой его лод-
ки, и неизвѣстнымъ языкомъ го-
ворили то, чѣго онъ не разумѣлъ;
но знаки ихъ и подвиженія изъ-
ясняли ему, что они просятъ его
вѣстъ къ себѣ въ лодку. Гассанъ

смя-

емягченный толь различными въ одно время явленіями, не зналъ, чѣо заключиши. Онъ разогнулъ свою книгу, и читалъ слѣдующее:

*сумнѣвные отложа, садися ты къ тритонамъ.
На дно моря спустись, тамъ пѣмъ конецъ
препонамъ.*

Сего довольно было утвердить его въ намѣреніи, согласиться на прозьбу морскихъ мушинъ. Онъ оставилъ лодку, которая въ тоже мгновеніе исчезла съ лебедьми, и сѣлъ въ носилки. Съ равною скоростію, какъ плыла лодка, понесли Гассана сіи Окіянскіе поселяніе, и меныше четверти часа былъ онъ на мѣстѣ пѣмы. Вѣчнай ночь, обитавшая на томъ пространствѣ, принудила его взять прибѣжище къ карбункулю, который и свѣтилъ ему чрезъ всю дорогу, продолжаемую имъ въ темнотѣ. Нѣсколько спустя, Трипоны остановились, и Гассанъ увидѣлъ, что пѣма начинала исчезать. Но воды вмѣсто

шого стали кипѣть, какъ бы были они въ коплѣ, стоящемъ на великомъ жару; потомъ поднимаясь къ верху, сдѣлались въ окружѣ его подобіемъ стѣнъ и сводовъ. Въ семъ водяному зданіи примѣтилъ онъ перилы изъ той же стихіи, и посреди онъхъ сходъ по спу-
пенямъ во глубину. Между тѣмъ, какъ удивлялся онъ сему чрезъ-
еспесенному виду, Трипонъ взялъ его подъ руки, высадили изъ
носилокъ, оставили и скрылись. Страхъ утонуть, напалъ на него; но къ удивленію ощупалъ онъ но-
гами, что прозрачный полъ былъ подъ нимъ столькожъ твердъ,
какъ бы построенный изъ крѣпка-
го металла. Онъ ободрился, и за-
ключилъ сойти по спушенямъ на
дно Окіяново. Привыкши къ чрез-
вычайнымъ случаямъ, безъ ужаса
исполнилъ сіе намѣреніе. Онъ
шелъ чрезъ нѣсколько тысячъ
ступеней въ проспранное подѣ,
ошь копораго опадленной вода
зем.

землі не касалась. Воздухъ въ ономъ мѣстѣ былъ сполько же свѣжъ, какъ на поверхности земного шара, и свѣтъ не уступалъ яснотѣ дню. Поле оное пестрѣлось отъ прекрасныхъ, испускающихъ благовоніе цветовъ и древесъ, совсѣмъ опѣниаго вида, пропиву находящихся на поверхности землі. Онъ прошелъ нѣсколько насыщая зѣніе пріятнотѣю мѣстоположенія, какъ увидѣлъ огромное зданіе, превосходящее великолѣпіемъ чертоги Царей Индійскихъ. Онъ направилъ шестивіе свое къ оному, желая въ близи разсмотрѣть сей предметъ своего удивленія, и узнать, кому оный надлежиша.

Приблизясь къ оному, увидѣлъ, что то былъ замокъ, коего спѣны состояли изъ чистаго вос точнаго хрусталя. Входъ во оный имѣлся сквозь врата чистаго золота, сделанныя преискусною работою. Онъ же освещавался для разсмотрѣнія

нія лицъ, выработанныхъ на пришворахъ, и пошелъ во внутрь. Спрегущіе вороты два страшные морскіе льва, уклонились въ спороны, и дали ему свободный путь.

Все, на что ни взиралъ Гассанъ, служило къ умноженію любопытства его. Сполько же драгоцѣнностей, сколько пышной огромности, и рѣдкаго искусства, составляли внутреннее украшеніе сего замка. Площадь въ немъ высоката была шахматнымъ видомъ, изъ зеленыхъ изумрудовъ и лаловъ. По срединѣ оныхъ споялъ водомейпъ, изображающій Парнасскую гору, сдѣланную изъ цѣльного синяго яхона. На вершинѣ ея виденъ былъ крылатый конь Пегасъ, такъ какъ бы поднимался онъ летѣть во вселенную. Изъ подъ ногъ его текла вода источникомъ по позлащеннымъ скатамъ. Аполлонъ споялъ шамъ съ своею лирою, которая согласие приводитъ и безсмертныхъ въ восхищеніе. У ногъ его

лѣ.

лѣжалъ лукъ съ стрѣлами, и трупъ
 убитаго имъ чудовища Пифона.
 Девять Музъ его окружали, и под-
 веденные внуши органы, дѣйстви-
 емъ воды произносили звукъ пре-
 огромнаго хора; что казалось про-
 изходящимъ отъ музыкальныхъ
 орудій, въ рукахъ ихъ держимыхъ.
 Пониже, гдѣ упадала вода шамош-
 ней Ипокрены, видимо было мно-
 жество восходящихъ Спихшвор-
 цовъ, изъ коихъ иные, казалось,
 пили Каспальскія воды, а иные
 напившись, шли по прудному пущи
 горы, выше и выше, и каждый изъ
 нихъ дѣйствиемъ тѣхъ же органовъ
 соединялъ сладкое пѣніе, съ хо-
 ромъ Парнасской музыки. Многіе
 изъ нихъ ползли какъ раки, нѣ-
 которые отъ подошвы горы, за
 отбытиемъ Парнасскаго коня, бѣ-
 ли на ослахъ и коровахъ. Въ са-
 момъ же низу горы, гдѣ Ипокрена
 смѣшала чистыя свои стоки, съ бо-
 лотною водою, видна была полна
 меньшія спашни Спихшворцевъ,
 кои

кои, глопали мутную воду, запораживали горло; но силою сихъ спрятанныхъ побуждаемые къ пѣнію, произносили крикъ, сходствующій на испускаемый свиньями предъ ненастною погодою. Гассанъ, взглянувъ на послѣднихъ, усмѣхнулся, и подумалъ въ себѣ: много и у насъ въ Аспарханѣ пѣвцовъ, бывшихъ у подошвы сего водомета.

Осмотря рѣдкое сіе художество, возвелъ онъ изорѣ свой на поплѣты, испощивши на себя все искусство, превосходящее труды человѣческихъ рукъ. Золото, серебро, и всѣ драгія вещи употреблены были, чѣмъ учинить изъ сего дома невообразимое мыслямъ великолѣпіе. Цѣлый алый яхонтъ, соспавлялъ кровлю онаго. — Но я пройду описание несравненной работы испукановъ и образовъ писаныхъ, видѣнныхъ Гассаномъ во внутренности дома, чѣмъ не приключить скуки читашему, а скажу только, что онъ, насыщая зѣніе бле-

блескомъ рѣдкостей, прошелъ множество комнатъ, не примѣтя никакого въ нихъ живущаго. Сіе нанесло ему разныя мысли. На что, думалъ онъ, собрано здѣсь сполько драгоценности, когда оныхъ употребляшь нѣкому? Не скупой ли какой волшебникъ сокрылъ сюда плоды своей несытости? . . .

Здѣсь должно быть чѣму щесть чрезвычайному. — Сіи мысли его были прерваны. Онъ услышалъ въ ближней комнатѣ испущенный шажкой вздохъ, и за онымъ послѣдовавшія сіи, томнымъ голосомъ произносимыя слова: „Нещаспный Свѣтъ! помилъ! долго ли не переспаешь, надъ любою свирѣпствовашъ гнѣвъ, ная судьбина? Будешъ ли конецъ мукамъ, ежеминутно угнѣщающими сраженное твоє сердце? . . .

„Ужѣ ли ты, злобный Рукманъ, насыпалъ варварство свое моими спраданіями? . . . Дражайшая Всемира! открой глаза, оживи злодаспнаго пивоимъ пріищнымъ

„япнымъ взоромъ „. — Услыхавъ сіе, заключилъ Гассанъ, что человѣкъ сіиій долженъ быть очень нещастенъ, еспѣли перпітъ го-
неніе свирѣпаго Рукмана.. О! из-
вергъ человѣческаго рода! вскричалъ
Гассанъ, долго ли терпѣть небесамъ твою злобу? Для чего земля
носитъ и не поглотиша тебѧ, раз-
верзшись, въ свои пропасти? Лю-
щость твоя просыпрается въ кон-
цы землї, и наполняетъ вселен-
ную слѣдами твоего варварства.
Помоги же, боги, чтобъ я могъ быть
орудіемъ, имѣющимъ наказать те-
бѧ за всѣ мерзкія дѣла твои...
Должно посмопрѣсть, кто тотъ не-
щастный, коего я слышалъ голосъ;
не можно ли ему помочь. — Съ
словомъ симъ отворилъ онъ двери
въ кімнату, изъ которой происхо-
дилъ спонѣ. По входѣ во оную,
увидѣлъ онъ на софѣ сидящаго на-
гова человѣка. Тѣло его съ верху
до пояса было обыкновенное че-
ловѣческое, а спѣ полна желѣзное.
Близѣ

Влизъ его спояла кровать, и на оной лежала женщина великой красоты. Смертная бледность, покрывающая лицо ея, не могла закрыть сияния ея прелестей. Слабое дыханіе, и щокмо подымавшееся временемъ глаза, были единственные знаки, что душа обишасть еще въ ея тѣлѣ.

Гассанъ, удивясь сему необычайном увиду, споялъ задумавшись; но топты молодый полужелѣзный человѣкъ, прервалъ его размышление, сказавъ: Кто бы ты ни былъ, незнакомый, бѣги сего мѣста, въ коемъ жизнь твоя въ опасности: Особливое нещастіе путеводителъ спровало тебя въ сей очарованный замокъ, опредѣляя свою погибель. Домъ сей есть мѣсто злополучія. Злоба чародѣя Рукмана обратила онъ въ адъ. Спасайся, доколѣ еще можно. — Не заболься о мнѣ, нещастный Свѣтломилъ! Я думаю, такъ тебя зовутъ, поелику не сумѣваюсь, чтобъ не твой я слышалъ